

### *1.14 О про-явлении невидимого*



Святой Иоанн Дамаскин, рассуждая о назначении изображений, говорит об обнаружении скрытого, со-кровенного, о торжественном открывании, от-кровении в образе перед нами невидимого, не явленного. Неявленные предметы распознаются от изображений, дабы мы возлюбили прекрасное... И едва ли святой Иоанн рассуждает о неких абстрактных категориях красоты. Конечно же, произнося защитительные слова об иконах, он говорит о Первообразе, о перво-образности, торжественно проявляющейся перед нами. Так проявляет Себя Бог. Для этого и существует из-ображение. В чём тут вопрос, - Сам ли Первообраз желает дышать и про-является к нам... Мы ли, создавая изображения, дерзаем принудить Первообраз, привлечь Бога к проявлению, к от-кровению перед нами. Об этом размыслим по мере сил.

Дерзаем ли мы принудить, приневолить Бога – раз-облачить Себя от непознаваемости, умалить Себя, раскрыть Себя в из-образии, сделанном нами. Мы не подменяем Бога изображением Его, не поклоняемся твари паче или вместо Творца... но не грешим ли мы иначе, - не дерзаем ли навязать Богу самих себя, своих желаний, принудить Его благочестивым деланием открыть Себя перед нами... Не принуждаем, непринуждён Бог – не принудить Его, не заставить... Но нет сил в человеке, не умертвив самого себя – остановить своё сердце, преизбытствующее любовью, прекратить в самом себе естественное делание образотворчества. Как нет сил у Бога – удержать Себя в Своей Любви к человеку. В этом ли со-образность человека Богу. Образотворчество вложено, задано человеку, как естественное свойство, как общее правило, обязанность и способ обращения к Творцу, возделывания и вознесения молитв перед Ним. Вот и возделывается образ, творится личным творческим актом по общим, со-общённым с Богом и церковью, живым и обще-принятым – каноническим правилам. Творится живой образ – живо-писуется икона. Укореняется это правило, как некий общий порядок действия, общее обыкновение поклонения Богу. Не принудительно для Бога человеческое правило, не обременительно для Него, но, принятое церковной полнотой, проявляет себя в человеке, как действующая вера, как благо-честивый способ нашего Бого-уподобления, нашей, по крайней мере, - устремлённости, намерения, жажды к Бого-подобию.

И вновь – об изречении святого Иоанна, воинствующего защитителя святых икон. Основоположника феории, Богословия, Боговидения образа. Мастера острого слова – гимнотворца образотворчества – апологета прав образа на существование внутри церкви, внутри православной практики. С у щ е с т в о в а н и е образа. Святой Иоанн усматривал и отстаивал в образе, сущностное содержимое, исключительно важное и значимое для церкви и для каждого человека в ней. Назначение образа, в про-явлении невидимого, обнаружении сокрытого – так осознавал и обозначал словом своё понимание образа святой Иоанн. Проявление невидимого. Помысел о том, что сам человек личным творческим усилием проявляет Бога – будет веянием оккультным, внецерковным, чуждым. Бог не принуждаем. Помышлять о том, что Сам Бог посредством человека про-являет Себя – было бы более приемлемым и воздержанным, но, отнюдь, не удалённым от гордыни, но иное умонастроение, иное помышление о проявлении Бога граничит с нечестием. Если Богоявленность, хоть бы отчасти, – есть плод наших рук... Да не восстанут сии помышления в наших умах. Говорить о том, что Бог, помимо наших усилий, вкладывает творческие силы в безвольные человеческие составы – умаляет человека, образ и подобие Божие в нём. Срединный путь уразумения, как видится, ближе к истине, – срединный отнюдь не в приятии компромисса меж светом и тьмою. Здесь более, чем компромисс – симфоническая результирующая смыслов. Господь ждёт человеческого творческого произволения, не принуждает и ждёт, откликаясь по мере Своего желания откликнуться, проявляет Себя, по мере желания и своевременности (во благовремени подавая пищу), и уместности – проявить. И... исполняется всякое животное – благоволения при проявившем Себя Боге. Невидимое про-являет себя видимым образом, чтобы мы могли воспрять и возлюбить его. Как устремись любовь к неимеющему вида. Говоря так, обращаешься к утверждающей нас догматике, к чеканным выношенным Богословским смыслам Троичности. Бог Отец, не видимый никогда и никем – проявил Себя Духом Святым через Христа – Сына. Христа, пришедшего к восстанию и низвержению многих... к принесению меча духовного нам, к низведению огня от небес – земле... Воспоминаешь, словно бы к самому себе обращённый горький упрёк Спасителя: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, – не распознаешь Бога, как Он есть пред тобой, человек. Значит ли это, что нет ещё произволения Духа к тому, чтобы Филиппу ли апостолу, мне ли – был явлен Бог во Христе. Образ во-площён, во-человечен. Христос – посреди людей, «посреди вас Есть», – и не явлен, сокрыт. Нет откровения Христом Своей Божественной сущности. Умолкает ли в Нём действие Духа Святаго? Умолкает ли хоть на мгновение? Конечно же, нет. Просто Бог не желает видимо для нас – дышать в данном месте и в данном времени. Даже если это время – земного во-человеченного существования Спасителя и место это – Сам Христос. Дух таится и не открывается в Нём, неслиянно растворяется в Его человечности. Не явленный нам Дух – почивает на Христе и не открывается нам. В Бого-явлении, Бого-проявлении, Бого-откровении Сам Бог Отец – свидетельствует Своим голосом, именуется перед людьми возлюбленного Сына и свидетельствует, как о Сыне... известовавше о Тебе – является Дух в виде – образе голубине, – об этом соборне пропеваем в тропаре на Богоявление. В откровении Богоявления Бог свидетельствует о Себе, произливается нам Своим видимым и слышимым и осязаемым свидетельством. В прочее время свидетельствуют о Боге – дела Его Любви, как проявления Божественной природы, но не само невидимое становится видимым для нас. Образ молчит перед нами, – чудотворят дивные дела Господни. Подходим к образу, благоукрашенному его кивоту... и видим лишь множество признаков нашей любви и благодарения, быть может, детского и наивного пред

свершившимся и посетившим нас чудом, - различные украшения, крестики на иконе, значки – медальоны... - по ним можем судить о том, что вознесены эти знаки робкой благодарности пред чудесным проявлением Духа и благоволения Божьего к человеку, проистекшему от моления пред этим образом... Но мы не можем видеть этих чудотворений воочию, как свидетельства Бога о Себе... И вправе бы воскликнуть в неведении, в недо-верии своём: Где же Он, свет Преображения! Где же Дух, веющий, дышащий здесь! – сокровен от нас... Передан лишь в свидетельствах об откровении, свидетельствах иных людей, в пре-дании, пере-дании от людей других. А сейчас перед нами – затворен, сокрыт образ... Не про-являет Себя никак перед нами, - по нечестию нашему, по отсутствию насущной необходимости, быть может, - не хочет перед нами дышать. Не мечет бисер Свой перед нашим любопытством, любо-стяжанием познаний, перед нашей гордыней... Впрочем, не заметим ли в себе взором непредвзятым, не пред-расположенным к земному, не пленяемым непрестанно ко греху - особенных струй благодатных, призывных веяний, чрезвычайных и необъяснимых. Воспомним здесь о Луке и Клеопе, не раскрывших на пути в Эмаус духовных вежд. Не выиграло ли в нас сердце? – не распознали в присутствующем, со-беседующем с ними Со-путнике – Христа, хорошо знакомого, горячо любимого Учителя... - не распознали, прежде, чем Он Сам - сотворил благословение трапезы. Вызывает наше сердце пред образом, затворенным в иконе, - так отзывается образ Божий в нас – образу Божьему. Не воз-никает ли так некое благословение с противо-лежащей нам стороны образа. Наше, невосприимчивое неведение выражается во внешнем обыденно – благочестивом почитании Первообраза перед образом: прикосновение уст, привычное и правильно исполненное крестное знамение на себе с поясным поклоном... - всё это внешние, холодные знаки. И только свеча затепленная – светлая, тленная, свидетельствует о тепле, об огне, низведённом на землю Христом, и не распознаваемом нами даже в нас самих. Тлеет свеча перед нами – в точке соприкосновения образов, источает свет – и не означает это того, что неявное про-явится здесь и сейчас. Но шепчет и знаменует свеча – Богу - о свете горячего, благочестивого, почтительного перед образом – желания нашего, про-изволения нашего, намерения нашего, которое целует Господь...

Из-ображение, как про-явление... образ, как обнаружение невидимого. Повторимся вновь: не только живописным проявлением, словесным выражением пре-подаёт Себя Бог. Весь сотворённый мир – есть пространство Его про-явления неожиданным, не чаянным нами способом. Красотой Своей – открывается Бог в образе и увлекает к Себе, восполняет нашу нищету, ничтожество, уничижённость вне нашего с Ним взаимного вос-приятия. Ближний, самый огреховленный человек и ты сам – образ, возлюбить который надлежит по заповеди Христовой. Ближнего, - **как** - самого себя, - не больше, но и не меньше. При отсутствии заповеди о любви к себе – заповедана любовь к ближнему, **как** к себе самому. И за видимостью лица ближнего, как и в нас самих, внутри сокровенных глубин – не явлен, не видим – но присутствует Христос – проявляется в действенном осуществлении нами нашего преподобия, в нашем пре-подобии Ему, в нашем бескорыстии, в нашем само-отвержении, в нашем целомудрии, в нашей любви. И не взирает Господь на наши лица - личины, не лице-приятен Бог, проникающий Своим взглядом, ищущий в нас Свой образ, сокровенный в глуби сердец. Проявляется или нет перед нами Божий образ в ближнем... - дело дуновения Духа Святого, дышащего, как Он желает, как мы могли бы воспринять Его. Проявляется ли образ в нас самих, видимым для нас... - опять же - не менее чем проявление действия Духа Святого, не управляемого нами, не под-властного нам. И если

проявляется милостью Господней – тем более выпуклым, на-глядным становится грех, трагичнее, нестерпимее, наше знание о грехе, обо всём, что затеняет, унижает этот образ, мешая его про-явлению. Повторимся вновь и вновь: образ живописный, образотворчество в нас – есть произведение нашего уподобления Богу, концентрированное выражение, изображение нашего Первообраза средствами нашей во-церковлённой деятельности, нашей молитвы, нашего искусства... Не говорю о себе боле, чем о себе – воспринимающем, более, чем о себе - предстоящем пред этими про-изведениями. Предстою, распознавая видимый образ и со-относя его со своим личным без-образием. Концентрированный живописный образ соткан человеческими усилиями, про-изведён, как бы из небытия и восставлен посреди таинства церкви. Семейной ли церкви, домашней, приходской ли, монастырской. И мы – восстаём пред ним, отнюдь не ожидая проявлений невидимого, не дерзая на удостоенность этими про-явлениями к нашему недостоинству, отнюдь не дерзая на то, чтобы управлять Духом, привлекать, понуждать Его к проявлению. Молитва – не чаёт радости, - радость про-является сама, не чаянно – вспомним этот знаменитый почитаемый образ. Стяжание духа мирна, Духа Святаго Божиего – не есть плод наших усилий, но есть цель нашего пред-стояния перед образом... цель нашей жизни. Цель жизни, но не заслуженный плод наших трудов. Не желает Дух дышать в отвращающееся от Него пространство, в без-образии. От смердящего греха удаляется ангел, отвращается Бог от противящихся Ему. Да не от-вратится же Он от нас, грешных, - вопиём пред образами святыми и не в силах превозмочь Бога, привлечь Его своею мнимой чистотой в сокрушении о грехе, своим помышлением о чистоте, мечтанием о стяжании, о движении к чистоте, мнимой нами... Устремляемся к Богу перед образом, возносим Ему слова славы – славословия, усиливаемся расширить сердце, очистить пространство, соделать прямыми пути – Ему, не наши пути, но Его – к нам... Очищаем же... и не входит Бог... и семь злейших нечистот уже и не за порогом... и чистим вновь. Тщимся вос-со-единить себя... и не отчаиваемся, барахтаясь в топких водах этого делания. В самых мизерных, самых ничтожных усилиях – не оставит Господь, - веруем и довольно для утешения нашего. Не помышляем о невидимом. Невидимое может и воздействовать не-видимым для нас образом, - возносим пред Ним себя. Это – путь благословенный, воспринятый церковной полнотой и тысячелетней практикой, - путь православия, торжествующего, триумфально и неложно шествующего перед образом. Вот и пытаемся разобрать этот образ, рассмотреть его внимательно, вос-принять увиденное в нём – во устроение самих себя, в рассмотрении себя перед образом, в деятельном научении себя перед ним. Открывается ли, изъясняется ли нам невидимое... - быть может, прежде всего, - перед образом - становится видимым для нас антипод Первообразу в нас и вокруг... Видимым и объёмным, несносным и чуждым становится наш собственный грех, наша собственная острупленность, нечистота пред образом – проявляется скорее, чем действие Духа Святаго. Довольно бы и того. Быть может, это и есть, нежданное веяние, радость нечаянная нашей падшести, просвещающий свет Духа, выделяющий, отчуждающий от нас чуждое Себе. И того – довольно с преизбытком. Даруй мне зрети, Господи, моя согрешенья и не осуждать брата моего, - так ведь поём Великим постом вослед святому Ефрему Сириянину. Пред образом – удобно возделывать - видение собственной не-со-стоятельности перед Богом, пред-ставшем перед нами в образе, легче утверждать своё упование на Него. В приникании к образу поцелуем – явственна наша ложь, наше лицемерие перед Ним, неравно-мерность, не равно-образиие соприкасающихся. Так вспомним же в каждом прикосновении – братском целовании Иуды, как воспоминал апостол Пётр слова своего от-речения при каждом петушином

крике... Воспомним, как перед причащением: ни лобзание Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник – исповедую Тя... И далее – приступим, да не отринет Бог. Приникнем к образу и вос-примем всего Христа в таинстве. Личина благообразия неотъемлемо лежит на бездне греха без-образного. Распознаём эту тёмную бездну - милостью Божьей – удобно и благотворно распознаём пред образом Его. Проявление невидимого в из-ображённом, - о таком назначении икон говорит Иоанн Дамаскин. Невидимого - в изображённом. Мы ли про-являем невидимое, из-влекая его, из-ображая. Само ли невидимое изъ-являет себя, про-являет себя через образ... не устанем помышлять об этом, не успокоимся иначе, как восприняв равноценность и вразумительный, спасительный разуму - баланс дихтомии вне амбивалентной, шизоидной личной раздвоенности. Велика тайна священнодействия мастера, из-ображающего, живописующего, тайнодействующего, тайнообразующего Бога. Только ли живописца касаются эти эпитеты. Мы ведь говорили уже и повторим к собственному научению о тайно-образовании, термине, присутствующем в Литургической Херувимской Песни. Образую херувимов и оставляя попечения о земном – составляем тайно воинство Христа, возносящее своего Бога, буквально копьями щите – в Царские врата к пре-существованию. Куда как могучий образ перед нами, для нас и в нас самих – раскрываем в общем делании каждого христианина, каждого верного, каждого не исшедшего по завершении литургии оглашенных... каждого, приникающего в существо совершающегося таинства. Каждый – образует себя, припевающе Святой Троице трисвятую песнь.

Нисходит Господь, как ливень густой, созревшей листвы, -  
На радость ли нам – кружит благодать имперской иконой  
На чрево земли, на губы ея, на лоб толоконный.  
Вос-хищенный клич вливается в гам напрасной молвы  
О брэнной красе, о ложе пустом в плену сон-травы.  
Кто муж красоте. Кто истинен тут, владыка исконный...  
Кто не возопил, лишь пред-ощутив погибель – законной  
И не отвратил от чистых небес честнейшей главы.

Струится сусаль, червлёный отлив, ликующий всполох  
На фоне небес - кленовый герой – пре-красен, лучист, -  
Вникает в позём, в осклизлую персть... Восстанет? – едва ли.  
Но не поглотит его простоты забвения молох, -  
Вос-прянет на Суд, воз-никнет на Свет, вос-торженно – чист,  
В пространстве, где нет ни зим – ни смертей, ни тьмы – ни печали.